

Выстрел

Автор:

Анатолий Рыбаков

Выстрел

Анатолий Наумович Рыбаков

Приключения Миши Полякова и его друзей #3

Широко известная детективная повесть, третья часть популярной детской трилогии («Кортик», «Бронзовая птица» и «Выстрел») Анатолия Рыбакова, в которой арбатский парень Миша Поляков и его друзья помогают раскрыть таинственное убийство инженера Зимина.

Анатолий Рыбаков

Выстрел

© Текст. А. Н. Рыбаков, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Возле пивной «Гротеск» прохаживался Витька Буров, по прозвищу Альфонс Доде. Пустые бутылки принимали во дворе пивной, и Витьке была видна вся очередь.

Замученный старичок, гномик в очках, опускал бутылки в ящик: темные – пивные, светлые – водочные, желтые – из-под лимонада и сидра. Бутылки сдавал Шныра, а в очереди, которую Шныра загораживал спиной, Фургон, Паштет и Белка перекладывали бутылки из ящиков в свои сумки, собираясь продать их еще раз.

– Тридцать пять копеек, – объявил гномик Шныре, – так тебя учили в школе?

Шныра вынул кепку из кармана, нахлобучил на голову, на глаза, отошел, потом незаметно стал за Паштетом и наполнил свою кошелку бутылками из ящиков.

– Получай деньги, отнеси маме, ты хороший мальчик, – заключил гномик торг с Фургоном.

Ребятам все это казалось игрой, рискованной, но увлекательной и дающей заработок. Деньги им были нужны для поездки в Крым.

Сидя на раз битом асфальте, они сдавали выручку Витьке Бурову.

– Восемьдесят две копейки, – сказал Шныра.

– Молодец, хороший мальчик! – к удовольствию всей компании, передразнил Витька гномика. – Слушай маму!

– Пятьдесят восемь копеек, – сказал Фургон.

– Плохой мальчик, ленивый, выйди из класса!

– Девяносто три, – сказала Белка.

– Изюм – белый хлеб! – воскликнул Витька. Выше похвалы он не знал.

Они пошли по Смоленскому рынку, могучая компания, объединенная таинственной целью, имеющая бесстрашного жоака, который бесцеремонно всех расталкивал: «Куда прешь, не видишь – дети!» – фраза, тоже приводившая их в восторг.

Служащие в косоворотках, мануфактуристы в пиджачных парах, в галстуках и без галстуков, с бабочками и без бабочек, зеленщики в брезентовых и рыбаки в кожаных фартуках, крестьяне в смазанных сапогах и крестьяне в лаптях, украинки в суконных свитках, китайцы с воздушными шарами и всякими бумажными чудесами, железнодорожники в форменных куртках, барышники, молочницы, холодные сапожники, точильщики, босяки – все это скопище людей двигалось, шумело, спорило, торговалось, пело, играло, плакало, проклинали, собиралось в толпы, растекалось по Новинскому и Смоленскому бульварам и по примыкающим к рынку переулкам.

Толстый, неповоротливый Фургон задержался около продавщицы с лотком на груди. «Моссельпром» было вышито на ее форменной фуражке золотым шнуром.

– Ириски, – доложил Фургон.

– Вывеска на голове, магазин на брюхе! – ответил Альфонс Доде.

Фургон понял, что ирисок не будет.

Суровое сердце Витьки дрогнуло только при виде рослой украинки в монистах, продававшей пряники в ларьке под вывеской: «Наталка с Киева».

Она заметила Витькин замороженный взгляд.

– Все вы дывытесь на меня, а не покупаете.

Витька кинул на прилавок деньги – широкая влюбчивая натура, – раздал всем по прянику, себе не взял, сдачу положил в нагрудный карман:

– Это крымские.

– С Крыма приехали? – осведомилась «Наталка с Киева».

- Вроде бы, - неопределенно ответил Витька.

По базару медленной уркаганской походкой шел Шаринец, хлюпик в кашне, настороженно косил рыжим глазом.

Витька напрягся, готовый к столкновению.

- Белка! - требовательно произнес Шаринец.

Белка не ответила на оклик Шаринца, вопросительно смотрела на Витьку, сильного, смелого, покупающего пряники.

Шаринец прошел, усмехаясь, как человек на рынке слишком значительный, чтобы связываться с такой мелкотой.

Но мелкота знала, что Шаринец боится Витьку, и это усиливало в них сознание своего могущества.

2

На своем дворе они тоже были хозяева. Старшие ребята их не трогали, боясь Витьку, сверстники хотели попасть в их компанию, но компании никто больше не нужен: они не могут всех взять в Крым. Они сидели в тени восьмиэтажного корпуса. Шныра и Фургон мелом рисовали на асфальте пальмы с высокой кроной, волнистое море, чаек, солнце с длинными лучами - все это должно было изображать Крым. Витька лениво поигрывал финским ножом и курил папиросы «Наша марка» - единственная трата из крымских денег, которую он себе позволял. Папиросу получил и Паштет. Шныре и Фургону дали затянуться. Шныра выказал наслаждение, которого не испытывал, Фургон закашлялся, Белке ничего не было дано - девочки не должны курить.

Идиллия была прервана появлением дворничихи с метлой.

- Весь двор разрисовали, безобразники!

Витька подкинул нож, ловко поймал за рукоятку.

– Ох, Витька, доиграешься, не миновать тебе тюрьмы. Тебя не жалко, мамашу твою жалко.

Витька симпатично улыбнулся, отчего финка в его руках стала выглядеть несколько зловеще.

На четвертом этаже открылось окно. Валентин Валентинович Навроцкий провел ладонью по подоконнику – чисто ли? Он был в светлом шевиотовом костюме. К окну подошел Юра – его больше не дразнили скаутом, но выглядел он высокомернее, чем прежде: долговязый, в бархатной толстовке, с белым бантом.

– Витька Буров, он же Альфонс Доде, гроза Арбата, – объяснил Юра, – и его банда: Шныра, Паштет, Белка и Фургон. Паштет и Белка – бывшие беспризорные, а сейчас безнадзорные. В чем разница – не знаю.

– Какой действительно толстый мальчик Фургон, – согласился Валентин Валентинович, – перекормлен.

– Его настоящее имя Андрей, фамилия Зимин, отец – инженер на фабрике.

– Сын инженера в такой компании?! А почему Альфонс Доде?

– Может быть, он чем то напоминает Тартарена из Тараскона? Наверяд ли... Почему, например, Паштет? Он паштета в глаза не видел. Все потенциальные уголовники начинают с кличек.

Во дворе появился Шаринец, уселся на скамейке у подъезда, ухмыляясь поглядывал на Витькину компанию.

– А это настоящий уголовник, профессиональный карманник, – сказал Юра.

– Карманник не самая видная, но вполне достойная воровская специальность, – смеясь, заметил Валентин Валентинович.

- Конкурент Витьки за влияние во дворе.

Подтверждая эти слова, Витька, демонстрируя свою власть, приказал:

- Фургон, скажи стих!

- Какой?

- Про хорошего человека.

Фургон ударил себя в грудь:

Рожа брита,

Грудь открыта,

Брюки клеш,

Даешь - берешь!

- Хороший стих, - похвалил Витька. - А еще знаешь?

- Про что?

- Про хорошего человека.

- Про хорошего человека больше не знаю, - признался Фургон.

- Фургон! - окликнул его Шаринец.

- Чего?

- Подойди!

Фургон сделал неуверенное движение в сторону Шаринца, но его остановил грозный Витькин оклик:

– Стой!

Фургон остановился.

– Зачем пошел?

– Так ведь он позвал.

Двумя пальцами Витька зажал Фургону нос.

– Брось, Витька! – неодобрительно заметил Шныра.

Фургон мотал головой, пытаясь вырваться.

– В другой раз оторву и голову, – пообещал Витька и сильно дернул рукой вниз.

Фургон освободился от железной Витькиной хватки, но ощущение было такое, будто у него оторвали нос, и Фургон не сумел сдержать слез.

Витькина власть была доказана действием и огорожена от посягательств Шаринца. Но когда Витька наказывал Фургона, во дворе появился Миша Поляков, по-прежнему в кожаной куртке, из которой он порядочно вырос; под ней на рубашке виднелся комсомольский значок КИМ.

– За что ты его?

Витька лениво поднялся, поиграл финкой.

– Твое дело?

Юра дал справку:

– Миша Поляков, комсомольский активист... Как это там у них называется... Секретарь ячейки или председатель учкома – я в этом плохо разбираюсь.

– Сильный, видно, парень, – заметил Валентин Валентинович.

– Витька сильнее.

– Сильнее тот, кто смелее.

– Миша смелый только на собраниях, – сказал Юра.

Витька играл финкой:

– Ну что? Милицию позовешь? Беги зови, а то не успеешь. Арцы – и в воду концы!

«Арцы – и в воду концы» означало у Витьки высшую степень угрозы.

– Убери нож!

– Наверно...

Неожиданным ударом Миша вышиб финку из Витькиной руки и наступил на нее ногой. Витька бросился на Мишу, они сцепились, не давая один другому дотянуться до ножа.

Нож поднял Саша Панкратов, во дворе его называли Сашка Фасон, не потому, что фасонил, а потому, что был красив: черноволосый мальчик с красным пионерским галстуком. Было ясно, что финку он Бурову не отдаст.

Подожли мужчины, растащили дерущихся. Витька пытался вырваться, но его держали крепко. Из окон выглядывали жильцы, во дворе собиралась толпа. Выбежала мать Фургона – Ольга Дмитриевна Зимина, миловидная женщина с нежным лицом.

– Андрюша! Что он с тобой сделал? Нож! Когда это прекратится наконец?

Появление милиционера привлекло еще больше зрителей.

Милиционер забрал у Саши финку.

- Чей нож?

Все молчали, подчиняясь законам двора: подраться – одно, выдать – другое.

- Твой? – спросил милиционер у Витьки.

- Пусть ребята скажут, – ответил Витька.

Белка показала на Мишу:

- Его финка, он хотел Витьку порезать.

- Не ври! – крикнул Саша Панкратов. – Витькин нож. Скажи, Фургон, скажи, Шныра, чей нож?

Шныра и Фургон молчали.

- Какие, однако, мерзавцы! – возмутился Валентин Валентинович и встал с подоконника.

- Плевать! Пусть сами разбираются, – сказал Юра.

- Ну знаешь... Я тебя не понимаю!

Валентин Валентинович свесился из окна:

- Товарищ! Я все видел, сейчас спущусь.

Через минуту он стоял во дворе, спокойный, внушающий доверие, показал на Витьку:

- Нож его, он им играл, довольно неосторожно, кстати. И мучил мальчика. А этот молодой человек, – он протянул тонкий палец в сторону Миши, – вступился... – Он повернулся к Зиминной: – Если не ошибаюсь, за вашего сына.

– Да, – сказала Ольга Дмитриевна. – Витя! Ведь ты уже большой... Разве Андрей тебе товарищ?

– Что скажешь? – спросил милиционер у Витьки.

Витька молчал, злобно поглядывая на Мишу.

– Нехорошо, девочка, лгать, некрасиво, – сказал Валентин Валентинович Белке.

Милиционер опустил нож в сумку.

– Разберемся, пошли!

И вместе с Витькой направился к воротам.

– Благодарю вас, – сказала Ольга Дмитриевна Валентину Валентиновичу.

– Мадам... Гражданка... Я просто сказал правду.

3

Валентин Валентинович вернулся к себе, на четвертый этаж.

– Дорогой мой, – сказал Юре, – ты оказался не на высоте. Ты побаиваешься Альфонса Доде? Кстати, кличка ему не подходит.

– Я его не боюсь, – вспыхнул Юра, – но Миша ненавидит меня, как буржуя; если бы я вмешался, он бы расценил это как подлизывание. Не беспокойтесь за него: он не нуждался ни в вашей защите, ни в моей.

– Правду надо защищать всюду, всегда и везде. – Валентин Валентинович уселся в кресле и закурил тонкую папиросу. – Что касается Альфонса, то он кончит тюрьмой. Околачивается во дворе с финкой, взрослый парень!

- А куда ему идти? В комсомол? Зевать на собраниях?
- Ты тоже не комсомолец.
- И что меня ждет? В институт не примут: не рабочий, не сын рабочего.
- Принимают и не рабочих. Твой отец – врач, поступай в медицинский.
- Ковыряться в чужом сопливом носу?
- Что же тебя привлекает? – в свою очередь спросил Валентин Валентинович.
- Кино.
- Есть способности?
- В кино нужна прежде всего внешность.

Валентин Валентинович оценивающим взглядом посмотрел на Юру:

- Внешность у тебя есть.
- Один кинорежиссер, папин пациент, обещал взять меня на съемки.
- Прекрасно! Будешь советским Рудольфом Валентино или Дугласом Фербенксом.
- Он начнет снимать новую картину через год, – огорченно проговорил Юра. – Что я буду делать после школы? На фабрику?
- Кстати, почему ваша школа так связана с фабрикой?
- Проходим производственную практику – два дня в неделю, получаем «трудовое» воспитание, даже пишем дипломные работы, почти как в вузе. Из нас готовят нечто вроде статистиков. Такая скучища!

– Напрасно пренебрегаешь этим, – сказал Валентин Валентинович, – другие после школы идут на биржу труда или в чернорабочие. А ты сразу получаешь специальность.

– Мне нужна независимость.

– Профессия актера тебе ее даст?

– До известной степени.

– Заблуждаешься. Независимость дается только этими...

Валентин Валентинович пошевелил пальцами, как бы перебирая монеты.

– Но где их взять?

Валентин Валентинович погасил папиросу в пепельнице, прошелся по комнате, чистой, пустоватой, с фотографиями лошадей на стенах.

– Надо начинать с небольшого. Кто я такой? Уполномоченный общества «Друг детей». Раньше я распространял лотерейные билеты, открытки, значки, поднимался по лестницам, стучался в двери, несознательные гражданки захлопывали их перед моим носом. Все же мне удавалось кое кого убедить. Заметь, какую гуманную роль я выполнял: помогал несчастным, голодным крошкам и пробуждал в людях сострадание. Теперь заготавливаю мануфактуру для наших предприятий, прибыль от них идет опять же на помощь беспризорным детям. Раз в месяц получаю свои проценты. Рокфеллер имеет больше, но я сыт, одет, обут. – Он вытянул ногу и показал лакированный ботинок «джимми». – Делаю свои деньги и думаю, как бы сделать их больше.

– На лотерейных билетах? На отгрузке мануфактуры?

– Друг мой! Деньги делаются на всем. Нэп! Папиросы «Ира» не все, что осталось от старого мира. Шевели извилиной, как пишут в журнале «Смехач». Жизнь с ходу дает тебе шанс – не упускай его. Приживись на фабрике. Получится с режиссером – уйдешь в Дугласы Фербенксы. Не получится – заработаешь производственный стаж и поступишь в вуз. Кстати, какая у тебя тема?

- Учет на складе, – произнес Юра с отвращением.

- Прекрасная тема! – воскликнул Валентин Валентинович. – На складе ты станешь деловым человеком, изучишь ткани. Актуальнейшая проблема! За десять лет люди пообносились, рынок требует маты...

- Маты? Что это такое? – спросил Юра.

- Мата – мануфактура на языке контрабандистов, этим термином пользуются и коммерсанты, – объяснил Валентин Валентинович. – Какие названия! Амарант, бельфанс, туал-д-эте, канбера, виоламакино... Из-за одних названий я бы пошел работать на склад, честное слово!

- Вы говорите о фабрике с таким же энтузиазмом, как Миша Поляков на школьных собраниях о мировой революции, – усмехнулся Юра.

- Ну что ж, из всех, кого я видел сегодня, Миша Поляков понравился мне больше всех.

- Вы его мало знаете, – нахмурился Юра.

4

Следующий день был «фабричный», – ребята проходили производственную практику. С блокнотом и карандашом Миша стоял на фабричном дворе у железнодорожной ветки. Грузчики носили в вагоны тюки с мануфактурой.

Подошел Валентин Валентинович.

- Что вы делаете, Миша? – После вчерашнего происшествия он держался с ним как с добрым приятелем.

Миша показал на блокнот.

– Записываю, куда отправляется товар.

– Это имеет отношение к вашей дипломной работе?

– Да. «Транспортировка готовой продукции».

– Великолепно! Можете записать мою отправку. – Валентин Валентинович показал на пустой вагон в тупике. – Станция назначения – Батум, получатель – швейная фабрика общества «Друг детей».

– Запишу, когда погрузят, очередь дойдет не скоро.

– Ужасно долго все это продолжается, – подхватил Валентин Валентинович, – и я вам скажу почему: задерживают ломовые извозчики. Анахронизм. За границей господствует автомобиль.

У ворот склада стояли ломовые лошади с мохнатыми ногами. Возчики складывали тюки на полки, покрывали брезентом, увязывали веревками, затягивали ломиками.

В складе было тесно, но рабочие ловко маневрировали тележками, сбрасывая тюки, куда им показывал кладовщик Панфилов. За маленьким столиком Юра выписывал накладные.

Вошел Красавцев, заведующий сбытом, толстяк с опухшим лицом, что-то сказал Панфилову и вышел.

– Представитель деткомиссии, гражданин Навроцкий! – крикнул Панфилов, появляясь в воротах склада.

Валентин Валентинович оглянулся.

– Меня кличут... Иду!

Он отправился в склад и тут же вернулся, весело сообщив Мише:

- Сейчас будут грузиться!

Показал грузчикам пустой вагон в тупике:

- А ну, ребята, подвинем, по чекушке на брата!

Сказал что-то машинисту и сцепщику и направился к пустому вагону, на ходу бросив Мише:

- Поможем, Миша!

Мише понравилась его веселая лихость, и он помог грузчикам подтолкнуть вагон к составу.

Лязгнули буфера, сцепщик накинул сцеп, Валентин Валентинович оттянул дверь вагона, она мягко покатила на роликах, грузчики установили трап, начали таскать тюки.

Стоя в вагоне, Валентин Валентинович уверенно распоряжался:

- Быстро, ребята, шаг назад, два вперед, тюк на тюк, товара как раз на вагон. Плохо уложим - придется переключивать.

Он соскочил с вагона и пошел в склад.

- Накладная готова?

- Готова, - ответил Юра.

- Молодец!

Прижимая книгу линейкой, Юра оторвал и передал ему накладную.

Валентин Валентинович посмотрел на состав (сцепщик закрывал и опломбирывал вагон), кивнул Юре и Панфилову: «До новых встреч!» - и через боковую дверь вышел на улицу.

Машинист дал гудок, состав тронулся и вытянулся из ворот фабрики. Миша записал вагон Валентина Валентиновича.

И как только ворота за ушедшим составом закрылись, в склад вошел инженер Николай Львович Зимин. Был он гладко выбрит, в хорошо отутюженном костюме, держался очень прямо. За глаза его звали «барин».

– Слово в то время уже не оскорбительное, а насмешливое. Оно было незаслуженно и заставляло Николая Львовича держаться еще прямее, говорить еще спокойнее.

– Где бракованная партия? – спросил он у кладовщика Панфилова.

– Какая, Николай Львович? – переспросил Панфилов.

– Для деткомиссии... Я велел Красавцеву ее задержать. Передал он вам мое распоряжение?

– Правильно, приказали... Так ведь транспорт уже погрузили, не разгружать же было, Николай Львович.

– Интересно... – недовольно произнес Зимин и удалился.

Миша хорошо помнил: Красавцев приходил на склад до того, как вагон Валентина Валентиновича погрузили. Красавцев что-то сказал Панфилову, и после этого вагон Валентина Валентиновича молниеносно погрузили и отправили. Что же приказал Красавцев? Задержать вагон или, наоборот, побыстрее отправить его?

– Юра, ты не слыхал, что Красавцев сказал Панфилову? – спросил Миша.

– Нет.

– Он велел задержать вагон или, наоборот, отправить?

– Не знаю.

- Ты был рядом.

- Я не прислушиваюсь к чужим разговорам.

- Товарищ Панфилов! - сказал Миша. - А ведь Красавцев приходил до того, как был погружен вагон деткомиссии.

Панфилов косился на него из-под железных очков.

- Ну и что?

- А вы сказали товарищу Зимину, что вагон уже был погружен.

- Ну, сказал.

- Вы сказали неправду.

По суровому лицу Панфилова, по его косому взгляду можно было предположить, что он пошлет Мишу ко всем чертям. Однако он этого не сделал: хорошо знал этих молодых товарищей, от них никому нет проходу, им до всего есть дело, и лучше с ними не связываться.

- Товарищу Зимину легко отдавать приказы, только он ведь не у Бутиковых работает, - желчно возразил Панфилов.

- При чем тут Бутиковы? - удивился Миша.

- При том... «Задержи, посмотрю, погляжу»!.. А за простой вагонов полагается штраф, деньги порядочные, кто будет платить? Фабрика? Государство?

- Зимин хотел как хуже?

- Не сказал я этого, только не коммерческий он человек. Хочешь брак выяснить? В цеху выясняй, а не на складе, когда товар упакован, клиент ждет, и вагоны поданы.

В объяснениях Панфилова была логика, но упоминание бывших хозяев фабрики Бутиковых было намеком на то, что Зимин служил здесь еще при фабрикантах, намеком на старорежимность Зимины, попыткой опорочить его, представить социально чуждым. Миша почувствовал фальшь.

– А все же что приказал Красавцев: задержать или отправить вагон?

– Об этом у Красавцева спроси! – с раздражением ответил Панфилов. – Не Зимин, не Красавцев отвечают за отправку, я отвечаю. А мне товар некуда складировать, сам видишь. – Он обвел рукой загроможденное тюками помещение склада. – Паны, понимаешь, дерутся, а у холопов чубы трещат. Нет, извините, спасибо.

5

Вечером Миша пошел в ресторан «Эрмитаж», к Славке. Бульвары Садового кольца были пустынные, редкие фонари тускло светили на углах центральных улиц.

Славкина мать ушла к другому человеку. Славка остался с отцом, бросил школу, играет по вечерам в оркестре ресторана «Эрмитаж», зарабатывает на жизнь: Константин Алексеевич болеет, не работает, опустился. Миша поражался такой слабости. Если женщина ушла от мужа, порядочного и достойного человека, бросила сына, ее можно только презирать. Конечно, любовь, страсть и так далее, и все же долг выше всего.

В ресторан Миша вошел со двора, мимо кухни, мимо спящих по узкому коридору официантов с подносами. Все бежали, торопились, никому не было дела до Миши, и он благополучно достиг маленькой комнаты, отделенной от эстрады тяжелой занавеской.

Рядом гремел оркестр. Миша чуть раздвинул занавеску и увидел ресторанный зал. За столиками, покрытыми белоснежными скатертями, сидели разодетые женщины, мужчины, очень важные, будто занятые настоящим делом. А все их дело тут – пить, есть, хохотать, как будто им очень весело. Спасаются от забот и

тревог жизни нэпманы, спекулянты и растратчики, берут реванш за свое унижение в том, другом мире, где их ограничивают, допекают налогами. Здесь они господа, реализуют свое богатство, швыряют деньгами, перед ними предупредительно склоняются официанты. Безусловно, нэп необходим для восстановления страны, здесь его обратная сторона, приходится с этим мириться, но люди эти отвратительны. Во имя чего они живут?

Оркестр смолк, музыканты оставались на своих местах. Сидя за роялем, Славка разговаривал с контрабасистом, пожилым человеком в серо-голубом костюме с бабочкой.

Потом на эстраду вышли чечеточники в черных фраках, белых манишках, черных цилиндрах и черных лакированных туфлях. Оркестр грянул бравурную мелодию, чечеточники отбивали чечетку, фалды их фраков развевались, они здорово молотили штиблетами и пели куплеты...

Два червонца, три червонца или сразу пять,

За червонцы, за червонцы можно все достать...

Глупейшие куплеты о червонцах, о том, что именно можно достать за червонцы, идиотский гимн червонцу. Никто не обращает на чечеточников внимания, хотя они стараются вовсю, жаль их, и Славку жаль, и других музыкантов, обязанных развлекать эту шушеру.

Чечеточники удалились. Музыканты поднялись со своих мест, пустились в комнату за эстрадой...

- Мне еще отделение играть, - предупредил Славка.

- Подожду, - ответил Миша.

Он стоял у занавески и поглядывал в зал.

- Ну и физии!

- Эти физии дают пищу для некоторых размышлений, - сказал Слава.

- Каких именно?

- Могли мы с тобой два года назад думать, что появится все это?.. Новые хозяева жизни.

- Точнее, хозяева своих денег.

- Зато каких денег! Сейчас я тебе покажу некоторых представителей современного капитала. Только не слишком на них пялься и не тыкай пальцем.

- Постараюсь, - рассмеялся Миша.

- Справа, за вторым столиком, к нам лицом, видишь: коротенький пузанок с пышной шевелюрой?

- Вижу.

- Этот пузанок стоит сорок тысяч.

- Как в Америке, - усмехнулся Миша. - Мистер Смит стоит сорок миллионов долларов.

- Вот именно. Пузанок зарабатывает сорок тысяч в год, а он всего лишь представитель Харьковского государственного кондитерского треста. Заметь, государственного! Разве у нас так много кондитерских изделий? Их не покупают? Нет, их покупают, расхватывают и без этого прыщика. Но этот прыщик получает десять процентов за реализацию - это как раз сорок тысяч - и делится с начальством.

- Смотри, - сказал Миша, - рядом с ним Красавцев.

- Кто это Красавцев?

- Начальник сбыта фабрики, где мы проходим производственную практику.

- Возможно, но тоже, безусловно, взяточник.

Мишу огорчил желчный тон Славки.

– Разве мы с этим не боремся?

– Допустим, – не стал спорить Славка. – Теперь следующий столик, видишь, черноусый джигит? Стоит тридцать тысяч, представитель Азиарыбы, рекламирует селедку, а чего ее рекламировать? Знаешь такой город Ачинск?

– В Сибири?

– Точно. Не на всякой карте найдешь. Есть там малюсенький магазинчик, торгует лаптями, дегтем, веревками, гвоздями, косами, серпами. Где же эта лавчонка себя рекламирует? Не угадаешь. В парижских газетах. И за рекламу плачено золотом. Вот так!

– Представляю себе ликование парижан, – засмеялся Миша. – Анекдот, наверно?

– Анекдот? Почитай «Крокодил». Смотри дальше: Иван Поддубный, так он не Иван Поддубный, а фирма «Дешевое платье». Рядом два джентльмена в галифе «Изящное платье»... А там дальше, в косоворотках и пиджаках, это так называемые кооперативы, артели, конечно, липовые, но вывески... Вывески самые идейные... «Свой труд» семгу изволит кушать, «Коллективный труд» пьет шампанское. Труд, труд, труд... Удобное слово!..

– Слушай, – перебил его Миша, взглядываясь в глубь зала, – там, в углу, не Юра с Людой Зиминной?

– Они.

– Я знаю человека, с которым они сидят, – Валентин Валентинович Навроцкий.

– Я его тоже знаю, с некоторых пор он живет в нашем доме.

– И они часто здесь бывают?

– Люду я здесь вижу впервые, Юра бывает, Навроцкий наш постоянный гость.

- И сколько он стоит?

- Не знаю, фигура загадочная.

- Это всего лишь агент заготовитель деткомиссии.

- Это ничего не значит, у всех здесь скромные титулы: агент, уполномоченный, владелец магазина или ларька, кассиры – как правило, растратчики – гуляют перед посадкой. Тут много чего насмотришься. Изнанка общества.

- Не изнанка, а отбросы.

- Можно сказать и так, – опять не стал спорить Славка.

- Пошли! – сказал виолончелист, поднимаясь на эстраду.

- Подождешь? – спросил Славка.

- Подожду, – ответил Миша.

Заиграл оркестр.

Юра и Люда поднялись и смешались с толпой танцующих.

Навроцкий вынул из кармана пиджака конверт, положил на стол, прикрыл карточкой меню, щелкнул затвором портсигара, размял папиросу, закурил, бросил спичку в пепельницу, откинулся на спинку кресла, глубоко затянулся и даже не повернул головы, когда к столику подсел Красавцев.

Навроцкий придвинул ему портсигар, приподнял карточку меню. Красавцев достал папиросу, вынул из-под меню конверт, опустил в карман.

- Здесь вся сумма?

- Можете не пересчитывать. Когда я получу следующую партию?

На помятом, красном от водки лице Красавцева появилось обычное для взяточника выражение неприступности.

- Через неделю, не раньше, и без скидки на брак и третий сорт.

- Почему?

- Зимин собирается лично проверить брак и сорт, беспокоится, что его слишком много.

- С ним нельзя поладить?

- Из старых спецов, трусит. Хотел задержать вашу партию, но я успел ее отправить.

- Я успел ее отправить, - хладнокровно возразил Навроцкий.

Красавцев покосился на него.

- Если бы я не предупредил Панфилова...

Навроцкий перебил его:

- Если бы я не успел за полчаса погрузиться, вы бы попались на фиктивном браке и пошли под суд.

Красавцев опять покосился на него - пижона следует осадить.

- Зимин требует документы по вашей отправке.

- Пожалуйста, документы в порядке, - ответил Валентин Валентинович.

- Если в них особенно не ковыряться.

– Документы в полном порядке, – повторил Валентин Валентинович. – Можете спокойно их передать. Пусть изучает. Даже у себя дома. Вот именно, пусть возьмет домой и тщательно ознакомится.

Оркестр смолк.

– Значит, договорились? – Навроцкий давал понять, что Красавцев может удалиться.

Вставая, Красавцев ухмыльнулся:

– Вы здесь с дочкой Зиминой, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Можете спокойно передать документы Зимину в личное пользование.

Вернулись Юра и Люда. Люда села, оправила платье, осмотрелась.

– Ну как? – спросил Валентин Валентинович.

– Прекрасно!

Люда впервые в ресторане. Когда она шла сюда, волновалась, смущалась, ей казалось, что она прикоснется к опасной, запретной, но заманчивой стороне жизни. Папа и мама будут огорчены, узнав, что она была здесь, но она хотела посмотреть, хотела знать, что это такое, узнала, посмотрела и, может быть, больше не придет сюда. Ничего особенного – пьют, едят, танцуют. Пьют и едят очень вкусно, вкуснее, чем дома, и совсем иначе. Она так честно и скажет: хотела посмотреть – посмотрела; папе и маме всегда важно понять мотивы, она им объяснит мотивы: было интересно посмотреть. Правда, ей приятно, что и на нее смотрят. Дома существовала эта тема – Люда кокетка, ее за это высмеивали, папа часто говорил: «Люда опять смотрится в самовар». В конце концов, у каждого есть и должны быть недостатки. В общем, Люда мысленно договорилась сама с собой, мысленно договорилась с родителями.

– У вас знакомые в оркестре? – спросил Валентин Валентинович.

– Мальчик из нашего дома, Славка Эльдаров. Очень талантливый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/anatoliy-rybakov/vystrel>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)